

DOCTOR WHO™

BIG
FINISH

SHORT TRIPS: DESTINATION PRAGUE

A SHORT STORY ANTHOLOGY

EDITED BY
STEVEN SAVILE

Пункт назначения — Прага

Сборник рассказов под редакцией Стивена Сэвила
из серии книг «Доктор Кто: Короткие путешествия».

ST20

Destination Prague

A short-story anthology
edited by Steven Savile

Снежная леди

Приключение Восьмого Доктора

Джеймс Свэллоу
перевод Mary SmithZ

Когда Ян заглянул к ней, она спала и её грудь тихо поднималась и опускалась под изношенным термоодеялом. То, что она здесь, в окружении рам его законченных и незаконченных картин, казалось таким правильным. Композиция сцены была дополнена тем, что здесь находилось то, что не могло находиться. Рука Яна пробежалась по этюднику в кармане, но свет был слишком слабый, и он не хотел использовать фонарь без крайней необходимости.

Он написал ей записку большими, аккуратными буквами, приклеил его к лоскуту, и провёл пальцем по скрепляющей печати. Ян накинул своё поношенное армейское пальто, и закрыл за собой вход в палатку. Ему было неудобно оставлять её одну, но ещё более сложно было оставаться с ней рядом, пока она спала. Он не мог сосредоточиться. Он бросал всё, чем бы он ни занимался, чтобы слышать её дыхание. Она отвлекала его от всего остального.

Он поднял воротник и засунул руки в карманы. Путь Яна проходил через колонию аккуратных пластиковых куполов, расположенных рядом, для обогрева, по обоим берегам Влтавы. Тощий кот

ворчливо проводил его мимо рваных юрт, где представители Новой Богемы прятались от пронизывающего зимнего холода. Ян обычно держался подальше от их выходок, избегая бесконечных споров о манифестах, которые, видимо, были их единственным вкладом в городское искусство; но финансовые обстоятельства вынудили его оставаться на периферии их палаточного городка. Он получил место, став торговым посредником и делая мелкий ремонт для наименее раздражающих среди них. Поначалу казалось неловким, когда они узнали, что она живёт с ним, но спустя некоторое время их внимание снова переключилось на себя, и о новоприбывших забыли.

Ян вздохнул, поднимаясь по ступеням, пока не оказался на берегу реки. Вид замка, и, словно парящий рядом, шпиль Собора Святого Вита, достигавший низких облаков, приветствовали его. Над головой, гудя, пролетели над крышами сторожевые истребители, пугая птиц, шныряющих в устьях переулков.

Шёл снег. Казалось, это было постоянным состоянием Праги в эти дни, единственным отличием было наложение тонов в беспросветной серости неба. Ян мельком взглянул вверх, и заморгал, ослеплённый слабым солнечным светом. Сегодня снежинки падали по одиночке, лениво, ветер поднимал их холодными порывами, а затем бросал к его ногам. Ян выбрал обходной путь, направляясь в Новый Город, так что он мог пройти мимо галереи Ньятты. Он гулял спокойно, не спеша, стараясь, чтобы это было не так очевидно.

Через окно, едва заметно, он мог различить невзрачные пейзажи, которые она согласилась выставить для него.

Это не были его лучшие работы. Некоторые из них он написал не так давно, вдохновлённый школой Сияния и анархо-пуантилистскими работами Тефта. Ньятта взяла эти работы с таким своим красноречивым вздохом, что у Яна сложилось впечатление, что она сделала это в качестве, своего рода, общественной работы. В прошлом она продавала работы именитых художников на окраинах, но он не был готов трянуть стариной после того, о чём Люкс сказал ему однажды, тогда, посреди пьяного кутежа. Как говорил поэт, Ньятта набиралась жалости от случая к случаю, и давала им пожертвования под видом покупки, прежде чем выбросить картины, которые ей приносили. Ян хотел верить в то, что Люкс просто язвил – так и было, если быть точным – но не мог отделаться от страха, что он может быть прав.

С этими холодными мыслями, прилипшими к нему, словно зловонный сигаретный дым, Ян обнаружил, что пришёл в «Воробей», и наклонил голову, чтобы войти в паб. Несколько снежинок скользнули с ним внутрь, и осели на пороге.

Кёртис окинул его пьяным взглядом и подмигнул, когда Ян присел рядом с ним с бутылкой пива. Мари слабо улыбнулась ему. Люкс, как и ожидалось, проигнорировал его появление, продолжая какую-то обличительную речь, которую он излагал несчастному Нильсу.

– Тебе не хватает понимания подлинной сущности этого общества, – говорил Люкс, размахивая стаканом любимого им ядовито-красного вина. – Ты никогда не узнаешь этого, пока сам не будешь голодать!

Нильс смотрел в пол. У него в деревне была богатая, любящая мать, и Люкс больше всего любил упрекать его этим фактом. Ян считал, что Нильс был неплохим малым, хотя и довольно заурядным на их фоне, и объяснял отсутствие его успеха нехваткой таланта, а не способностью самостоятельно платить за квартиру. Как и Ян, Нильс и Мари были художниками, хотя и разных направлений. Только Люкс, самодостаточный литератор, и Кёртис – пробивающийся актёр, вращались в других сферах.

Мари воспользовалась появлением Яна как предлогом сменить тему разговора, от которой, разумеется, устали все.

– Галантный герой Нова Места вернулся. Какой благородный поступок ты совершил сегодня, Ян? Снял кошку с дерева? Перевёл бабулю через дорогу?

Ян пригубил пива и ответил ей ухмылкой. Его надежды на то, что новости о случае с девушкой не достигнут «Воробья» оказались наивными.

– Это ещё что такое? – спросил Кёртис. – Я тут самый галантный!

Люкс не сдержал смешка, и закатил глаза. Нильс повторил за ним, в надежде отвлечь интерес от собственных недостатков.

– Ян спас кое-кому жизнь, – продолжила Мари, затаив дыхание, будто играя роль. – Спас заплутавшую девчонку от смерти на морозе.

– Спас? – повторил Люкс. – Это так теперь называется?

– Не будь таким пошлым! – огрызнулся Кёртис. – Это правда?

Ян кивнул.

– Мари, как всегда, слишком мелодраматична. Я помог одной девушке. Она потерялась и запуталась. У неё не было ни кредитки, ни документов, она плакала... Что мне ещё оставалось делать?

Люкс фыркнул:

– Ты что, не опознаешь липу, когда увидишь? Только не говори мне, что был настолько туп, что дал ей денег!

– Я позволил ей остаться у меня...

Поэт залился неприятным смехом.

– Она всё ещё там? Если ты оставил её одну, она уже стащила всё ценное! Не то, чтобы у тебя было что украсть...

Мари покачала головой.

– Люкс, не все живут в мире безденежья и бессердечья, как ты. Я думаю, Ян поступил благородно.

– Ей в голову пришла мысль, и Мари подмигнула Яну. – Ты ведь был благородным, не так ли? Пользуясь случаем...

– Нет, не был, – решительно сказал Ян. – Она спит в палатке, я сижу снаружи. Всё что я сделал, только... – Он неопределённо взмахнул рукой. – Только укрыл её...

– Извращенец, – пробормотал Люкс.

– Можно посмотреть? – спросил Нильс.

Ян неохотно приоткрыл свой маленький альбом с эскизами, и его память ожила. Рисунки были простыми

и неприкрашенными, но в них была внутренняя сущность девушки. Ян улыбнулся, взглянув на рисунки снова, довольный тем, что смог изобразить её настолько хорошо, насколько он мог.

– Не думаю, что она местная, – известил Нильс, пытаюсь казаться осведомлённым.

– Она англичанка, – сказал Ян. – У неё образцовый акцент.

Мари взяла этюдник и пролистала его.

– Ха. Не мой тип. Пацанка.

– У тебя такой стандартный вкус, – фыркнул Кёртис, наклоняясь, чтобы посмотреть. – Классическое лицо. Афродита или Афина. – Затем он глубокомысленно кивнул. – Отличная работа, Ян. Ты ухватил её суть. Правду о ней.

Нильс кивнул:

– Да, теперь я вижу...

– Искусство никогда не говорит правду! – выпалил Люкс.

Губы Кёртиса дрогнули.

– У тебя нет души, балбес. Искусство – это правда. Это всеохватывающая истинная сущность. Ян понимает: правда – первый долг художника. – Он улыбнулся собственной формулировке. – Так как её зовут?

Вспышка памяти прошлой ночи кольнула Яна. Глаза девушки, полные слёз и страха, просящие о помощи в отчаянии. Просящие у него...

« – Как тебя зовут?

– Я не помню!»

Ян моргнул.

– Либусса¹, – сказал он быстро. – Её зовут Либусса.

Люкс снова фыркнул:

– О, как шикарно! Не очень-то по-английски.

– «Принцесса Либусса», – усмехнулась Мари. – Ты ей подобрал это имя, не так ли? Ян, какой же ты романтик! Она знает, что ты назвал её в честь мифического персонажа?

Кёртис сурово покачал пальцем перед лицом девушки.

– Прояви уважение, деточка! Этот город не существовал бы без Либуссы! Её племя основало этот город тринадцать веков назад! Без неё вам бы негде было лепить эти ваши скульптуры!

– Я окружён безмозглыми детьми! – резюмировал Люкс, а затем откинулся назад и осушил свой стакан.

– Не пора ли тебе свалить, нацарапать пару стишков? – ответил Ян, теряя терпение. – Мы не настолько одержимы собой, как ты.

Люкс пожал плечами, всё с него как с гуся вода.

– Если ты такой из себя белый рыцарь, почему тогда оставил её одну? – он злобно усмехнулся. – Боишься, что позволишь своим художественным пальцам залезть туда, куда не следует?

Обвинение было ближе к правде, чем Яну хотелось бы, так что он запил его глотком пива. Яну хотел уйти

¹ Libuše (чешс.) – Либуше или Либусса (рус. аналог – Любовь). По легенде, Либуше была одной из дочерей древнего правителя Чехии Крока. Была избрана отцом осуществлять правосудие, а после его смерти стала вождём племени. Вышла замуж за пахаря Пржемысла, положив начало династии истинных правителей Праги (прим. пер.).

прямо сейчас, но это было бы очком в пользу Люкса, так что художник остался, а тем временем, уже наступил вечер.

К тому времени, как он покинул бар, на улице стемнело, снег валил хлопьями. Чувствующий свою вину и злой на себя, Ян шёл по мостовой так медленно, как только мог. Он проходил мимо импровизированной выставки очередной эстетическо-революционной толпы на Карловой Площади, мимо смеси агитационных театров и акустических демонстраций. Он решил обойти их подальше, и направился к Юраскову мосту. Порывы снега с ветром казались здесь менее беспокойными, тихий ветер припадал к земле, подбираясь, словно крадущееся животное.

Ян почти наполовину пересёк улицу, когда вдруг вспомнил, что именно здесь он нашёл её. Прямо здесь, перед закрытыми ставнями старого магазина игрушек. Его привлёк её плач. Этот звук затронул эмоции Яна, и он не мог его проигнорировать. Правда странно. Он жил в этом городе так давно, что чувствовал себя очерствевшим к такого рода вещам; но девушка... Либусса... Она заставила его обернуться. Она казалась такой не местной, такой другой... Кусочек из картины Праги, но с неправильными цветами и красками.

В дверном проёме магазина игрушек шевельнулась тень, заметив её, Ян отпрыгнул. Мужчина в тёмном плаще вышел под свет уличного фонаря, всколыхнув вокруг себя воздух. С одной стороны он выглядел обеспокоенным и нервным, с другой – пытался сохранять дружелюбный, спокойный вид. Он помахал рукой Яну, и Ян неохотно ответил ему тем же жестом.

Незнакомец приблизился. На первый взгляд он казался похожим на нео-гота, наверное, из-за длинных курчавых волос и довольно странной одежды.

В руке он держал прибор, который тихо попискивал.

– Добрый вечер! – начал он. Англичанин, подсказал Яну внутренний голос. – У меня есть вопрос, который может прозвучать немного странно.

– У меня нет денег, – сказал Ян рефлексивно, но в ответ получил лишь быструю улыбку.

– Какое сегодня число?

Ян моргнул.

– Э... Вторник. Наверное, уже двенадцатый час.

Мужчина развёл руками, и быстро оглянулся вокруг.

– И?

Ян нахмурился.

– И что?

– Какого года?

Нервный смешок вырвался из уст Яна.

– Как ты можешь не знать какой сейчас год?

– Издержки профессии, – заметил мужчина, взглянув на устройство и нахмурившись. – Так ты мне скажешь?

Ян моргнул. Вопрос сбил его с толку, и внезапно он не смог найти ответ. Как странно. Ян отмахнулся от него как от зудящего насекомого.

– Мне нужно идти, извини...

– Я ищу кое-кого, – отозвался незнакомец. – Она может быть неподалёку, но я не уверен. – Он робко улыбнулся. – Мне довольно сложно здесь

ориентироваться... – Он проследовал за Яном всего пару шагов, когда ветер начал подниматься. – Мне бы пригодилась помощь от кого-нибудь со знанием местности.

– Нет. – Ян пошёл быстрее, возмущение бурлило в нём.

Кем был этот турист, рыскающий в переулке, пытающийся поладить с ним? Он повернулся, наполовину сочинённое предупреждение чуть было не сорвалось с его губ, но порыв ветра налетел на него с грубой силой, и поднял вокруг него хлопья снега. Они закрутились вокруг Яна в длинные спирали, формируясь в завитки, плывущие по воздуху, словно пыль. Он остановился, восхищённый этим необычным движением. Порывы ветра были такими, как если бы они был направленными туманным роем. Они завращались в потоках воздуха, а затем быстрым порывом снег атаковал того человека. Он вскрикнул и уклонился, подпрыгнув на тротуаре. Снег повернулся и повторил попытку, вопреки гравитации и природе.

– Кажется, я злоупотребил гостеприимством! – проворчал мужчина и скрылся в аллее.

Хлопья снега хлынули волной по булыжной мостовой и стали преследовать его. Ян побежал следом, не в силах оторвать взгляд от этой смехотворной погони. Он услышал тяжёлый звук вытесняемого воздуха, и вступил в арку переулка. Арка заканчивалась несколькими футами дальше, высокой, неприступной кирпичной стеной. Снег стелился ровным слоем, и вокруг не было признаков незнакомца. Ян осторожно наступил на снежный

покров носком ботинка, обеспокоенный странной встречей.

Либусса всё ещё спала, когда Ян вернулся в палатку, осторожно включил фонарь и начал рисовать. Какое-то время он пытался воспроизвести лицо того человека, в снегу, но его точные очертания ускользали от него. Думая о происшествии на улице, Ян почувствовал себя неловко. В конце концов, он раскрыл портрет девушки и вернулся к работе над ним, добавляя слоями детали, цвет, глубину.

Он поднял взгляд, чтобы уточнить цвет её щёк и обнаружил, что она смотрит на него. Ян покраснел; внезапно он ощутил, что вторгается в личное пространство.

– Прости, – сказал он, справившись с собой. – Я просто...

– Я бы хотела взглянуть, – сказала она, протягивая руку.

Он не отдал ей этюдник, только повернул его, чтобы показать ей.

– Тебя приятно рисовать.

Она улыбнулась, закутываясь в одеяло по самую шею, и садясь прямо.

– Не думаю, что я настолько красивая, какой ты меня изображаешь.

– Ты ошибаешься. Едва ли я могу судить о тебе. – Слова сорвались с его губ, и он покраснел ещё сильнее. Он не хотел произнести что-либо настолько глупое; по крайней мере, не так скоро. Но она не обратила внимания.

Постепенно улыбка сошла с её лица. Девушка стала задумчивой. Ян заварил и подал ей чашку чая.

– Что случилось? – спросил он.

– Я не знаю кто я, – повторила она, её голос дрожал. – Я чувствую что-то на краешке моих мыслей, но это как дым. Каждый раз, когда я пытаюсь схватиться за это чувство обеими руками, оно исчезает... – она подавила всхлип. – Такое ощущение, что кто-то должен быть здесь, со мной, но я не знаю кто. Всё, что я вижу – только мельтешение разных вещей. Картины, не связанные одна с другой.

– Картины чего? – Ян сел рядом с ней и положил свои руки на её, утешая. – Расскажи мне о них. Я нарисую их для тебя.

– Это поможет? – спросила она угрюмо.

– Может быть. Если мы вытянем их, возможно, они больше не потревожат тебя. – Он нервно облизал губы, и, наконец, произнёс слова, которые держал в себе до этого вечера. – Ты вдохновляешь меня, Либусса. Вместе мы можем сотворить что-нибудь невероятное.

И она рассказала ему, а он нарисовал.

Честно говоря, он был в запарке слишком долго, подвижные холсты были разбросаны по маленькому жилищу, незаконченные работы рядом с наполовину нарисованными картинами. Девушка, свалившаяся в его жизнь ниоткуда, её прибытие, пробудили что-то, глубоко спрятанное в таланте Яна.

Это началось с её портретов, и выросло в картины её снов. Она рассказывала незаконченные истории про

необыкновенные вещи; о живых домах и дирижаблях, сказки о привидениях и затонувших городах. Ян делал их реальными, вырисовывая их из неё, и позволяя Либуссе забыть тёмные эмоции, омрачавшие её сон. Он был добр к ней, а она была одинока; всё развивалось именно так, как Ян надеялся. Тем вечером они впервые поцеловались, и, наконец, им пришлось разделить постель. Ночью он не спал часами, слушая её сны. Она была пустым сосудом, и всё же была до краёв полна жизнью и мудростью. Иногда Ян думал о том, что Либусса как зеркало отражала его эмоции, мечты и желания. Сам того не желая, он позволил себе влюбиться в неё, и в ответ она держалась за него, свою скалу в меняющемся мире, в котором она училась жить заново. Дни превратились в недели, недели в месяцы; и наконец, стало казаться, что она всегда была здесь.

Ньятта скрестила руки на груди, и нахмурилась, глядя в окно на снежный шторм.

– Если это не расчистят, никто не придёт. – Золотые кудри хозяйки галереи скрывали её лицо с поджатыми губами. – Это важный вечер.

Ян мягко кивнул, заметив пейзаж, спрятанный в затемнённом углу. За всё это время она так и не продала ни одного из них – или даже не пыталась продать. Запоздалой мыслью мелькнуло осознание того, что среди всех картин, что он написал, на абстракцию его вдохновила Либусса. Сегодня вечером галерея Ньятты представляла только Яна. Трудно было поверить, как быстро всё изменилось; первой

продажей стал триптих «Мёртвая Венеция», затем «Тень в Роще» и «Падение Триады». Скоро Яна стали обсуждать и за пределами членов сообщества. Он состоялся, говорили они. Наконец, когда он представил всё это Ньятте, женщина заговорила с ним об «открытии». Либусса была рада за него, и теперь, получив деньги, он купил ей одежду получше, и они смогли сменить жильё в палатке на квартиру в Старом Граде.

Мари и Кёртис тоже были рады за них. Нильс, казалось, был смущён из-за всего этого, а Люкс предсказуемо оставил парочку комментариев про дурацкие пустые фантазии. Он предсказывал, что ограниченность таланта Яна скоро станет достаточно очевидной большинству пересытившихся скучных пражских интеллигентов. В ответ Либусса предложила Люксу подавиться своей ручкой.

Мари особенно тепло относилась к девушке. Ян не осознавал насколько полны были её чувства, но он видел, что нечто сестринское соединяло обеих девушек. Либусса смеялась, когда она была с Мари, и этот звук был музыкой для его ушей.

К облегчению Ньятты, люди начали стекаться, несмотря на бьющие порывы ветра, бросающего комья снега вверх и вниз по бульвару. У Ньятты под рукой оказалось пряное вино, и гости приняли его с удовольствием. Ян спрятался позади, ближе к дверям выставочного зала, на случай, если он почувствует необходимость уйти от всеобщего внимания. С его удобной точки обзора, он слышал короткие разговоры людей, и старался не готовиться к комплиментам. Он

наблюдал за Кёртисом и другими, кто хихикал и отпускал шуточки. Там была и Либусса, она пробегала рукой по волосам, и потягивала напиток. Ян наслаждался моментом, наблюдая её на расстоянии. Моя муза, подумал он. Она здесь – единственное настоящее произведение искусства.

Когда Ян увидел Люкса, входящего в галерею с сочетанием злости и презрения, то ретировался во тьму дальней комнаты, и позволил ей поглотить его. Он разрывался в двух направлениях – желая спрятаться здесь, и одновременно желая быть в другом месте. Дверь закрылась сама по себе, и он вздрогнул. Ян посмотрел вверх, в окно крыши. Стёкла дрожали под ударом снега об раму. Ян нахмурился. Такой плохой погоды не было годами, это было то единственное, с чем соглашались все. Ян не мог припомнить года, когда так быстро вырастали сугробы вдоль всей улицы Милады Гораковой, и поверх всех крыш Еврейского Квартала. Он давно не видел траву в Петрином парке.

Но прошлое, казалось, вышло из фокуса и стало нечётким. Воспоминания Яна ускользали от него, когда он пытался удержать их. Он слегка улыбнулся. Это была одна из тех вещей, которую он любил в Либуссе, то, как она запоминала всё так хорошо – даже небольшие детали, как например, куда он унёс чай или как лежали бумаги на его столе. Внезапно где-то на краю сознания, Ян услышал слабый перезвон, и снова вздрогнул. В комнате с ним был кто-то ещё.

– Привет ещё раз, – мужчина в тёмном плаще появился из тени. – Я напугал тебя? Извини.

Ян отступил на шаг, вооружившись пустой бутылкой из-под вина.

– Что ты здесь делаешь? Это частная вечеринка!

Он застенчиво улыбнулся.

– Признаю, я вторгся. Полагаю, всё это по важному случаю.

В руке мужчина держал тот же предмет, что и тогда, на улице. В слабом свете света из окна крыши, Ян понял, что он даже одет точно так же, как и в тот день.

– Я думаю, мы начали не с того, с чего следует в прошлый раз, – он протянул руку. – Я Доктор.

– Ян Перико. – Он не повторил жеста, и Доктор неловко убрал руку, а затем кивнул, указывая на рекламу с выставки.

– Значит, это твой большой день, да? Что ж, молодец. Я всегда, когда мог, был покровителем искусства. У меня даже есть своя галерея.

– Правда? – Яна это не убедило, он оценивал перспективы вызова охраны; но неужели он на самом деле хотел устроить скандал прямо здесь, в вечер всей своей жизни? На крыше раздалось тяжёлое дребезжание, и оба мужчины посмотрели вверх.

Снегопад продолжал расползаться по стеклу.

– Кошмарная погода в последние дни... – заметил Доктор с озабоченностью в голосе, и немного отступил от окна.

– Никогда не было так холодно, – заметил Ян. – По Влтаве проплывают льдины. Метель кружит, и всё никак не уляжется.

– Видел когда-нибудь стеклянный снежный шар? – Доктор очертил пальцами сферическую форму, прикидывая её вес. – Снег может падать там вечно. Это произойдёт и здесь тоже, если я это не остановлю.

Ян нахмурился, раздражённый тем, что нарушитель уводил его от заданного вопроса.

– Тебе придётся уйти, если у тебя нет приглашения.

Доктор посмотрел на устройство в своих руках.

– Может быть, я захочу купить что-нибудь. – Он указал на холст, стоящий на столе, в стороне от других, громоздящихся друг на друга, более спокойных работ. – Как называется эта?

– «Портрет Грэйла». Слушай, я собирался попросить тебя уйти...

Мужчина поднял руку, прерывая его.

– Ладно, Ян, слушай. Я буду честен с тобой. Мне нужна твоя помощь, чтобы найти друга. Я знаю, ты был близок к ней... – Он встряхнул звенящей коробкой в своей руке, и звук усилился, когда предмет указывал в направлении Яна. – Её зовут Чарли Поллард, и она потерялась. Она не должна была оказаться здесь. Я должен забрать её. – Доктор посмотрел мимо Яна, в сторону двери и галереи за ней. – Если бы я только мог...

– Нет! – отрезал Ян с нотой злости. – Я не знаю никого по имени «Чарли», и я не знаю тебя! – Гнев забурился в нём, возникнув из неизвестного, сильного источника.

– Ян, пожалуйста, я не обижу её, если ты подумал об этом.

– Нет! – воскликнул Ян на это раз, и его слова эхом отпрыгнули от треснувшего под давлением, оконного стекла.

– Ян, если она останется здесь, ей будет плохо, и ещё хуже – для всех остальных!

Всё, что он собирался сказать дальше, потонуло в осколках стекла брызнувших с потолка, когда окно разбилось.

Время словно замерло для Яна, когда он увидел как колонна, состоящая дрожащих белых пятен, хлынула вниз сквозь разбитое окно с волной ледяного ветра. Снег приобрёл нечёткое подобие когтя, который развернулся и протянулся через комнату, поднимаясь навстречу Доктору. Ян бросился назад, распахнув дверь, обратно в галерею.

Люди столпились рядом с выходом, привлечённые звуком. Ян врезался в грудь Кёртиса, и актёр поддержал его.

– Ты в порядке? Что, чёрт возьми, там произошло?

Ян услышал, как насмешливо усмехнулся Люкс:

– Плохо сыграно для драматичного выхода, если вам интересно моё мнение.

Ньятта и один из её ассистентов стояли в нерешительности при входе в коридор.

– Крыша! – воскликнула женщина, указывая на рваный просвет наверху. – Она обрушилась!

– Он был... – Ян бросил быстрый взгляд через плечо. – Он был там... Я не... – Он тяжело дышал, мысли путались. – Доктор...

– Кто? – Либусса и Мари протиснулись к нему сквозь толпу. Беспокойство омрачало лицо Либуссы. –

Ян, ты ранен? – Она осторожно дотронулась до небольшого пореза на его лбу. – Там с тобой был кто-то ещё?

– Нет! – сказал он быстро, не отводя от неё глаз. – Нет, это был снег.

Кёртис глубокомысленно кивнул.

– Да, конечно. Вся эта непогода, которая недавно началась, должно быть, снег навалился на окно. Оно не выдержало веса.

Ян кивнул.

– Так и было. Я в порядке, в порядке. Немного удивлён, вот и всё.

Из задней комнаты появился ассистент Ньятты.

– Там ужасный беспорядок, – сказал он. – Но, кажется, ничего не повреждено.

Владелица галереи хлопнула в ладоши.

– Какое происшествие! – сказала она весело, переворачивая всё в свою пользу, и обращаясь к собравшимся. – Уверяю вас, снег и ветер не испортят нам остаток вечера! И, раз уж мне получилось привлечь ваше внимание, возможно, теперь я смогу представить вам молодого человека, чьи блестящие работы захватили Прагу, подобно... хм... шторму!

Последовал вежливый смех. Ян позволил Ньятте сопровождать его вдоль галереи, пока ассистент отправился закрывать дверь к дальним выставочным комнатам.

– Друзья мои! – провозгласила Ньятта. – Представляю вам Яна Перико!

Ян поклонился под вспышку аплодисментов, бросив последний взгляд в сторону тёмной комнаты. В

разливающимся свечении из разбитого окна он мог видеть только пустоту комнаты, да несколько обломков мебели и белые пятна снега.

Поездка домой заняла в два раза больше времени, чем обычно, такси ехало по улицам медленно, пытаясь избежать заносов на почти невидимом налёте чёрного льда. В эти дни, казалось, полярные холода навеки обосновались здесь, и мысли Яна были словно окутаны туманом, когда он пытался вызвать воспоминания о солнце и лете. Он смотрел как крупные снежинки долбили в ветровое стекло, пока такси медленно ехало, поворачивая рядом с метро.

Рука Либуссы обняла его руку.

– Ян, скажи мне что случилось. Сегодня был потрясающий вечер в твою честь, но ты выглядишь таким замкнутым. – Она подвинулась ближе. – Поговори со мной.

– Просто... Этот случай с окном... – Он бледно улыбнулся. – Это напугало меня сильнее, чем я мог подумать.

Девушка внимательно посмотрела на него.

– Мне показалось, я слышала, ты говорил, что там был кто-то ещё.

– Только тени на стенах. – Ответил он. – Игра света. – Ян вздохнул и привёл в порядок свои мысли. – Я думаю... Повсюду было стекло, это меня напугало. Если что-то случится... Если я потеряю тебя... Я не знаю, что я буду делать.

Она неуверенно улыбнулась.

– Ян, мы ведь уже говорили об этом.

– Просто... – он повернулся к ней и заговорил горячо: – Ты особенная, Либусса. Ты раскрыла что-то во мне, ты исцелила меня. Я не хочу, чтобы всё это исчезло.

Она отвернулась, и сердце Яна упало. Он мог прочитать мысли по её лицу.

Ян продолжил:

– Я знаю, у тебя есть вопросы о потерянной памяти. Я понимаю. Но здесь у нас есть нечто уникальное. У исчезновения твоего прошлого может быть серьёзная причина! Это как если бы нам обоим была дана чистая страница, чтобы начать всё снова – ты со своей жизнью, я со своим творчеством... – Он сжал её руку, и слова пришли сами собой. – Я люблю тебя, Либусса. Я осознал это в тот момент, как впервые увидел тебя.

– Ян, я не знаю...

Он прервал её одним своим взглядом.

– Тебе не обязательно говорить что-то. Я не прошу ответных чувств, но я хочу, чтобы ты знала что я чувствую.

Такси качнулось, останавливаясь, и дверь открылась, впуская холод.

– Я не хочу потерять тебя. – Сказал он ей, и когда она кивнула в ответ, несколько мгновений спустя, слёзы блеснули в уголках её глаз.

Она спала, а он рисовал её.

Он должен был работать над новой картиной, над контрастом светотени в работе под названием «Адский Огонь», но Либусса оставалась объектом, к которому он

всегда возвращался, её бесчисленные портреты и этюды были развешаны по всей его студии неммым подтверждением этому. В течение дня, когда она говорила что-нибудь, каждое её слово, казалось, зажигало в нём новую идею. Но по ночам, Ян возвращался к тому, что связало их впервые, рисуя её.

Она пробормотала что-то и повернулась под одеялом. Ян подвинулся вперёд на краешек стула, и прошептал:

– Либусса?

Девушка не ответила, она тихо дышала. Ян остановился и отложил карандаш. Он придвинулся ближе к ней, и облизал губы. Скажи это, командовал голос в его голове, скажи. Имя срывалось с его губ, но он крепко сжимал рот. Он не хотел знать этого, если это была правда, он не хотел оставлять даже шанса. Но если он никогда не скажет, то всегда будет сомневаться, и странные появления того человека будут продолжаться снова и снова. Он должен быть уверен.

Ян сделал осторожный вдох.

– Чарли?

Она повернулась к нему, всё ещё в глубоком сне.

– Доктор? – невнятно пробормотала она. – Где мы?

В следующее мгновение Ян обнаружил себя в ванной, стоящим над раковиной, дрожащим всем телом. Он не мог заставить себя посмотреть в зеркало.

– Нет, – сказал он вслух. – Нет. Я не позволю. Она моя.

Неделю спустя он пересёкся с Мари в «Воробье». Она направилась сразу к его столику, а он знал, что прийти в паб было ошибкой. Он надеялся, что в течение дня здесь не будет никого, кто его знает, что он сможет успокоиться и найти время, чтобы подумать – но в этот раз удача оставила его.

Мари тяжело опустилась рядом, не снимая ни массивного пальто, ни шляпки. Она даже не стянула перчатки, сжав в руках дымящийся стакан горячего чая. Её щёки были красными от холода; даже здесь, в Воробье, обогреватели трудились изо всех сил, делая это место жизнепригодным.

– Не видел как ты вошла, – сказал Ян.

Мари указала пальцем в окна, каждое из которых покрылось такой корочкой льда, что улица снаружи выглядела пятном размытых форм и цветов.

– Там невозможно различить что-либо, кроме пара, который висит над твоим лицом. – Она сделала глоток чая. – Тебя в последнее время не видно.

– Занят, – он подвинул свою чашку.

– И Либусса. Где ты прячешь её?

Ян яростно встряхнул головой.

– Я не прячу её! На что ты намекаешь?

– Это просто фигура речи, Ян, – нахмурилась Мари. – Вся эта холодрыга... не удивительно, что я не видела её уже...

Ян уставился в стол.

– Она всё ещё не знает кто она и откуда. Я думал тогда, что для неё будет небезопасно бродить по городу в середине зимы.

Мари криво усмехнулась.

– Так ты всё же прячешь её, да? Думаю, она этому не особо рада.

– Я не держу её в заключении! – горячо ответил он.

– Либусса свободно может... Может...

– Уйти? – закончила Мари. – И если она захочет, ты позволишь ей? Я видела как ты смотришь на неё. Девушки не из стекла сделаны, знаешь ли. Она не такая хрупкая как ты думаешь.

Ян бросил на неё беглый взгляд.

– Не думай будто твои отношения с женщинами имеют хоть какое-то сравнение с моими! – сказал он, и сразу же пожалел об этом, но было уже поздно.

– О! – Мари откинулась назад в своём кресле. – Понятно. Ну, извини. Я думала, что забочусь о своём друге. Пожалуй, мне лучше уйти.

– Нет, – вздохнул Ян. – Пожалуйста, не надо. Прости. Просто... всё, что происходит в последнее время, очень смущает меня...

– Смущает, – повторила Мари с ноткой строгости. – Ты более успешен, чем когда-либо был, живёшь в тёплой квартире с девушкой, которая заботится о тебе, и тебя это смущает! Любой из нас был бы счастлив оказаться на твоём месте!

– Но я не счастлив! – ответил он. – И она тоже. Всё это ложь, Мари. Всё как будто сделано из бумаги, осталось только спичку поднести.

– О чём ты говоришь?

Ян внимательно рассматривал трещину в столе.

– Я думаю, что знаю кто такая Либусса, но я ужасно боюсь, что если расскажу ей, она покинет меня и никогда не вернётся.

Мари молчала некоторое время – выражения сочувствия и гнева сменяли друг друга на её лице. Наконец, она составила размеренный ответ:

– Ты любишь её, Ян? Честно и правдиво, а не по какой-то прихоти?

– У меня в этом нет сомнений.

Она посмотрела ему в глаза.

– Если она перестанет рассказывать тебе все эти истории, если она больше не принесёт тебе идеи для картин, ты всё равно будешь любить её? Если вся твоя популярность развеется без следа, твои чувства к ней останутся прежними?

Он ответил без колебания:

– Да. Как ты можешь спрашивать меня об этом? Я не знаю никого похожего на неё. Она дополняет меня. Она моя муза, дыхание и жизнь моего искусства...

Мари вздохнула.

– Ян, ты мой давний и лучший друг, и я не хочу тебя ранить... Но ты должен знать, что твоё чувство к ней безответно. Пожалуйста, скажи, что ты не настолько слеп...

– Нет. – Он опустил чашку на стол с силой. – Ей нужно время, вот и всё. Чар... – Ян запнулся, нахмурившись своей ошибке. – Либусса могла бы полюбить меня, если бы отпустила своё прошлое.

Но девушка заметила, что он проболтался.

– Это было её настоящее имя, Ян? Как ты его узнал?

Всё-таки он рассказал ей о том человеке, Докторе. Мари подняла брови в молчаливом упреке, когда он рассказал о странном происшествии со снегом,

неизменно об одном и том же человеке, исчезающем из тупиков аллей и запертых комнат. Голос Яна задрожал, когда он закончил свой рассказ:

– Он заберёт её у меня. Я точно знаю.

Мари осушила свой стакан.

– Помнишь, что сказал Кёртис? Правда – первый долг художника. Ты позволил своим страхам сделать тебя лжецом. – Она подвинулась ближе. – Либусса, или Чарли, или кем бы она ни была, ты не можешь её контролировать. Когда она узнает, что ты скрывал это от неё, она тебя возненавидит.

– Ты не скажешь ей! – воскликнул Ян в панике.

– Нет. – Мари покачала головой. – Но ты скажешь, в конечном счёте. Я знаю тебя, Ян. Со временем, месяцы или годы спустя, ты рухнешь под тяжестью этого груза, и всё выльется наружу. Чем дольше ты живёшь с этим, тем хуже будет в итоге.

Он покачал головой.

– Я не могу жить без неё!

– Это лишь оправдание. Каждый день, который эта девушка проживает с наполовину исчезнувшей жизнью, ты мучаешь её, и делаешь это, потому что боишься...

Дверь паба распахнулась с порывом ветра, холодный воздух ворвался в помещение, словно иглами уколов Яна. Кёртис и Люкс протиснулись внутрь, топая ногами в попытках отбить куски льда от подошв ботинок. Оба парня были бледными, но не из-за холода. Актёр и поэт прошагали к Яну и Мари, и Ян заметил с беспокойством, что лицо Люкса отекло, как если бы он долго плакал.

Мари тоже это заметила, и на данный момент их разговор был забыт.

– Что случилось?

– Нильс погиб, – сказал Кёртис с каменной многозначительностью.

– Как? – ахнул от шока Ян.

– Погребён заживо под снегом. Раздавлен, – голос Люкса ломался. – Бедный дурак. Он... Эта пурга...

– Грёбанный шквал с крыши, – объяснил Кёртис. – Он стоял под ней... вместе с дюжиной других людей. Снежный обвал, вот как это назвали. Снежный обвал – в центре Праги!

Поэт был в ярости.

– Будь он проклят, что расстроил меня. Проклятый маленький дурак. Проклятая мерзкая погода!

Ян посмотрел на Мари, вспоминая случайный комментарий Доктора в галерее. Он подумал о снеге, что будет падать вечно, и холодок пробежал по его спине.

– Я не думала, что он тебе нравится, – осмелилась сказать девушка. Люкс прожёл её взглядом, но не ответил.

– Эта погода всех нас угробит, – заметил Кёртис. – Люди хотят покинуть город, но не могут, из-за того, что железнодорожные пути стали хрупкими от холода, дороги заблокированы. Даже река замёрзла. И этот чёртов снегопад! – Он ткнул Яна пальцем в грудь. – Ты не должен быть здесь, приятель! Ты должен быть со своей девчонкой, согревать её!

– Да, – Ян отодвинулся и встал. – Ты прав. – Он взглянул на Мари, как бы отвечая на немой вопрос: – Мне нужно идти.

Он не видел такси уже несколько дней, как и другого городского транспорта. Улицы были укрыты коврами серого льда и застывшей слякоти, и, казалось, на каждом перекрёстке, злые ветра дули во всех направлениях сразу, нанося Яну удар за ударом, заставляя его сгибаться под ними. Раз или два он терял направление, снегопад был таким плотным, что ему было трудно различать улицу. Оно обогнул музей, поднял воротник и опустил голову. Было шоком чуть не столкнуться с небольшим сооружением в центре Вацлавской площади, и Ян вынужден был нелепо вскинуть руки, чтобы сохранить равновесие и не упасть.

На самом деле, здесь не должно было быть ничего, кроме островка безопасности, но там стояла небольшая голубая будка, мерцающая слабым светом через решётчатые окошки. Ян приложил к одному из окон руку, чтобы убедиться в этом, и почувствовал тепло. Он оглядел необычное сооружение сверху донизу. На нём не было ни единой снежинки.

И почему-то Ян совсем не был удивлён, когда дверь со скрипом открылась, и перед ним предстал длинноволосый мужчина.

– А, хорошо, что ты здесь, – сказал Доктор. – Заходи. Чай уже заварен.

Странное покалывание пробежало по телу Яна, когда он вошёл внутрь. Он подавил желание ущипнуть себя, и пялился в тёмное пространство будки. Доктор кивком предложил ему присесть на кресло.

– Располагайся. Это ощущение пройдёт пару мгновений спустя, просто ТАРДИС адаптируется к твоему прибытию.

– ТАРДИС? – Слово звучало странно в устах Яна, и заставило его губы дёрнуться в полуулыбке. ТАРДИС. Он должен запомнить это, возможно использовать для заглавия одной из своих работ. Ян окинул взглядом странную комнату. Она была готичной и арочной, стальной и деревянной, какой-то особенной анахроничной конструкцией стекла и блестящего металла, с угловатым помостом посередине, или чем-то в этом роде. Формы меняли восприятие глубины, делая расстояние неустойчивым. – Это твоя галерея? Что-то вроде обмана зрения?

– Да, что-то в этом роде, – усмехнулся Доктор.

Он сошёл с помоста в центре со звенящей коробкой в руках. Она звенела громче, чем в прошлый раз. Веселье сошло с лица Доктора.

– О, боже. Относительное течение времени внутри и снаружи различается сильнее, чем я ожидал. – Он поднял взгляд. – Когда мы говорили в последний раз?

– Несколько недель назад, возможно. Месяц? Не могу вспомнить.

– Правда? – Доктор подошёл ближе. – Не думаешь, что это странно, Ян? Что ты не можешь вспомнить дату?

– Это неважно.

– Нет? Тогда позволь спросить тебя ещё кое о чём. Задумайся серьёзно. Ты можешь вспомнить день, когда бы не шёл снег?

– Это худшая погода, которая когда-либо была в городе...

– Я спрашиваю не об этом. Я говорю о дне, когда шёл дождь, или было кристально ясно.

Ян фыркнул.

– Была парочка таких дней.

– Когда? – требовательно спросил Доктор. – Назови хоть один. Скажи что случилось в тот день. Где ты был? Кого встретил? Куда ты ходил в этот солнечный полдень?

Он моргнул.

– Я... я... не могу подумать об этом. Я не понимаю, почему ты переживаешь из-за такой ерунды.

Доктор не спускал с него глаз.

– Ты думаешь это ерунда лишь потому, что не испытывал этого, Ян. Никто в этом городе не испытывал. Вы никогда не знали дней без снега.

– Это безумие, – Ян покачал головой. – И ты! Куда ты пропал тогда – в переулке и в галерее? Как ты можешь исчезать просто так?

– Меня там на самом деле не было, не на все сто процентов. Ты видел всего лишь проекцию. Отражение настоящего меня. Поэтому я не мог появляться более, чем на несколько минут. Смотрители замечали аномалию и приходили изъять меня.

– Смотрители?

Доктор развёл руками в воздухе.

– Снег: это наномолекулярная конструкция; он поддерживает целостность всей галереи... то есть всего города.

Ян заёрзал на кресле.

– Единственное слово, которое я понял: снег. Я хочу от тебя вразумительных ответов!

Доктор снова взглянул на прибор в своей руке и убрал его в карман.

– Я могу дать тебе все ответы, какие захочешь, Ян, но когда ты получишь их, назад дороги уже не будет. Правда может быть опасной штукой, даже если ты готов к ней.

– Я не боюсь правды!

Доктор потянул за рычаг на помосте.

– Посмотрим.

Мир покачнулся; нервы Яна словно взорвались; и когда он уже подумал, что утратил все чувства, то... странный холодок снова пробежал по его телу.

– Что это было?

– Манёвр уклонения, – сказал Доктор, проходя мимо него к дверям. – Будь осторожен, когда будешь выходить. Тебя не должно быть здесь.

Ян вышел из будки, и обнаружил себя внутри огромного улья, сделанного из сферы, скользящей вверх и вниз, вправо и влево, за пределами какой-либо видимой линии. Он споткнулся, и опёрся на керамические перила, по текстуре напоминающие зубную эмаль. Желудок художника восстал из-за открывшегося перед Яном вида. Они стояли на огромном закруглённом балконе, который парил без

какой-либо поддерживающей силы, перед невозможной стеной мерцающих стеклянных сфер. ТАРДИС была позади них, покоилась на небольшой площадке.

– Ты меня чем-то накачал? – выпалил Ян. – Что это, чёрт возьми?

Вид сводил его с ума.

Доктор покачал головой.

– Не ищи линию горизонта. От этого тебя и тошнит. Дыши ровно и сфокусируй глаза на балконе. М-мерное² пространство на самом деле не подходит для человеческого восприятия. – Он вздохнул. – Я знал это. Я не должен был привозить Чарли сюда.

Ян судорожно глотал воздух, и смотрел под ноги. Электрическое, покалывающее ощущение, казалось, было повсюду вокруг него.

– Что это за место?

– Я думаю, «галерея» будет лучшим описанием. Соединение м-бранных единиц... – Должно быть, он увидел, что цвет сошёл с лица Яна, и снова покачал головой. – Ответы, да. С твоей точки зрения, через примерно триллион лет в будущем, раса инопланетян построила это место как хранилище произведений искусства. Понимаешь, они рассматривают архитектуру как высшую форму художественного

² Автор рассказа называет это пространство Michio-dimensional space. Видимо, имеется в виду пространство, о котором рассказывает Мичио Каку – японский физик, автор научно-популярных работ в своей области. (В его книге «Parallel Worlds: A Journey Through Creation, Higher Dimensions, and the Future of the Cosmos» есть глава, которая посвящена теории М-пространства). (прим.пер.).

мастерства, так что у них здесь не висят картины или скульптуры. Они представляют города.

Ян беспокойно вгляделся в одну из сфер, и внутри увидел странные башни из костей и мосты из сухожилий. Что-то двигалось вокруг всего этого, там, внутри, что-то с муравьино-подобными телами и головами со щупальцами.

– Первая Столица планеты Джи'Ку, – сказал Доктор. Он повернулся и указал на другую сферу. – Там Город Чудес, Цитадель Корпы, Высокий Пергамон, Атлантида...

Но Ян не следил за ним. Его взгляд упал на сферу, расположенную прямо перед ними.

– Прага... – добавил он. – Я вижу её там. Вот обсерватория, собор.

– Они не украли город, ничего такого ужасного. Они просто смоделировали его. Остановили его с помощью своих маленьких Смотрителей Музея и сделали копию, а затем поместили сюда, внутрь их собственной снежной сферы.

Сердце Яна колотилось в груди, его разум был на пределе.

– Зачем ты показываешь мне всё это, рассказываешь эту безумную историю?

– Ты хочешь ответов. Я хочу вернуть Чарли, – он вздохнул. – Она... упала... за неимением лучшего термина. Я думаю, вся структура запуталась из-за неё, потому что она человек, рождённый на Земле, и Смотрителям показалось, что она принадлежит к этому городу. Но она не принадлежит ему.

– Она не помнит, – выдохнул Ян.

– Да, амнезия – это побочный эффект. Смотрители не могут приспособить её, и это сбивает их программу, что означает – они воспроизводят всего слишком много. Снег становится всё гуще, и он будет идти до тех пор, пока он не задушит весь город, или пока мы не вытащим Чарли оттуда.

Ян подумал о Нильсе, раздавленном снежной лавиной.

– Если ты можешь ездить туда-обратно на своей будке, почему ты её ещё не забрал?

– Я говорил тебе раньше – я не могу здесь находиться. Не на все сто процентов. Все мои умения и старания ушли на то, чтобы протащить ТАРДИС внутрь, и даже теперь я не могу из неё выйти. Мне остаётся только ждать, что ты придёшь ко мне.

Художник покачал головой.

– Ты ожидаешь, что я поверю в этот бред? Это не имеет никакого смысла! Если я жил там... – Он указал пальцем на сферу. – Я бы знал об этом! Мы бы знали, если бы были заключены внутри какой-то гигантской художественной выставки!

– Знали бы? – Доктор пристально смотрел на него. – Ян Перико, а картины художника знают, что они – картины? Или Смотрители убедятся, что те никогда не подумают об этом? Сделают один день похожим на другой, так, что месяцы, годы потеряют значение? Устроят зиму, заморозят её на месте?

– Я – Ян Перико! – прокричал художник. – Я... – его взгляд остановился на стеклянной сфере, и слова умерли в его горле. – Так вот кто мы все? – произнёс он

обречённо. – Куклы. Как я могу быть здесь, снаружи, если всё это правда?

Доктор взмахнул перед ним звенящим устройством.

– Я усовершенствовал его – изменил полярность, так сказать. Я вытащил тебя наружу. Поэтому ты можешь чувствовать это странное покалывание. Эта реальность не гармонирует с тобой.

– Если она уйдёт, у меня ничего не останется! – отрезал Ян.

Это было странно; он понял, что его не волнует то, что его жизнь была симуляцией. Он волновался только о ней.

– Если она останется, то не выживет. Никто там не выживет.

Сокрушительная, откровенная правда заставила Яна сесть на пол.

– Либусса... Она принадлежит этому месту так же, как и я.

– Либусса?

Ян гулко усмехнулся.

– Так я называл Чарли в ту ночь, когда нашёл её. Это имя из легенды: Либусса – ясновидящая принцесса древнего племени, основавшего поселение, которое стало Прагой. Говорили, она видела завтрашний день в своих снах наяву. Она рассказывала своим людям, что однажды наш город достигнет звёзд.

– Она была права. Эта галерея в миллионах световых лет от Земли.

Ян молчал какое-то время.

– Что случится, если я вернусь после того, как видел всё это? Смотрители позволят мне остаться?

– То, что ты сделаешь с правдой, зависит от тебя. Я всего лишь показываю тебе всё это, чтобы ты понял как спасти жизнь Чарли. Она замёрзнет насмерть, и весь город тоже, только если ты не приведёшь её в ТАРДИС. – Доктор положил руку ему на плечо. – Я не могу бросить её Ян. Она очень важна для меня. Я знаю, ты чувствуешь к ней то же...

И тогда Ян понял, что выбор, который, как он думал, у него есть, был всего лишь иллюзией, блеклым наброском реальности, которая на самом деле существовала. Художник поднялся на ноги.

– Отвези меня обратно.

Когда она проснулась, он рисовал. Ян улыбнулся, и она улыбнулась в ответ, но изменилась в лице, когда заметила печаль в его глазах.

– Что-то не так.

– Да, – согласился он. – Но мы это исправим. – Он повернул этюдник, чтобы показать ей начало новой работы. – Ты знаешь что это?

Она внимательно изучала набросок.

– Я видела это раньше. Что-то вроде огромного стеклянного шара, наполненного хлопьями снега... – Она ахнула. – Я вспомнила!

– Хорошо, – ответил Ян, его голос дрожал. – Надень пальто, и пойдём.

Метель вовсю разбушевалась на улицах к тому времени как они достигли бульвара. Ян держался за

маленькую, последнюю ниточку надежды на то, что всё это просто странный сон, до того момента, пока он не заметил, что взгляд девушки пал на голубую будку. Момент восторженного узнавания, отразившийся на её лице, похоронил эту надежду, и в то же мгновение Ян осознал, что всё рассказанное и показанное ему Доктором было чистой правдой.

Дверь ТАРДИС была открыта. Ян отступил от неё на шаг.

– Тебе нужно войти внутрь, Чарли. Снаружи очень холодно.

– Как ты меня назвал?

Он поцеловал её в последний раз.

– Твой друг ждёт тебя.

– А ты не пойдёшь?

– Нет. – Ян порылся в карманах и вручил ей сложенный лист холста.

Она развернула его, и увидела своё собственное лицо, смотрящее на неё.

– Это ты, Шарлотта Поллард, – сказал он тихо. – Такая ты красивая. Так сильно я тебя люблю.

Он подождал пока машина потускнела и пропала во тьме, а затем сел на уличную скамейку. Когда вышло солнце, и снег начал таять, превращаясь в ручейки, Ян зарисовывал свой город, и людей в нём, изображая правду такой, какой он видел её.